Москва
I обл. драм. театр

—ПЕРЕСТРОЙКА В ЛИЦАХ И СИТУАЦИЯХ

Театральный роман без героя

Сов. культура. — 1988. — 1 нояб.

После сдачи труппе своей работы — спектакля «Крестики-нолики» и. о. главного режиссера Первого Московского областного драматического театра П. Олев опубликовал в областной газете статью под заголовком «Медвежий угол». О том, что театр вот уже пятьдесят с лишним лет работает без своего помещения. О том, что, «культурно обслуживая» население области, играет в красных уголках и клубах перед десятком-двумя зрителей. О том, что спектакль в этом театре, не успев родиться, гибнет. Критиковал за бездействие и равнодушие к областным театрам Главное управление культуры и обком партии.

Вскоре его не утвердили в должности главрежа, а затем и уволили.

В газету с просьбой разобраться обратилась группа актеров театра.

ИСПОЛНЯТЬ обязанности главного Олеву, вчерашнему ассистенту, предложили год назад. Тогда, после длительного и разрушительного конфликта между возглавлявшим театр почти пятнадцать лет заслуженным артистом РСФСР М. Весниным и новым директором А. Ванчуком оба их театра вынуждены были уйти.

О Веснине и театре минувшего пятнадцатилетия в главке и в обкоме говорят как о едином целом. Режиссер и театр способностей были средних, но репертуар имели крепкий. Знали, впрочем, в области, что главреж вздрыч-лив, со слабыми жестом, с несгласными крут, что судить Веснина и выступать против него считалось бесполезным, что за внешним приличием скрывалось неблагополучие. Но кого это в те годы волновало? Тем более театр «крепкий», лауреат и дипломант.

Но началась перестройка, театральный мир пришел в движение и в Первом областном появился новый директор, человек заносчивый, умело играющий на личном интересе актеров, быстро сколотивший оппозицию Веснину. Коллектив раскололся. Появились открывшейся вдруг возможностью говорить, что думаешь, артисты в полгода наговорили друг другу такой правды, что всем вдруг стало ясно — и в творческом, и в материальном плане театр находится в давнем, глубоком, безысходном кризисе.

И вот в такой обстановке, после ухода главрежа и директора, молодому режиссеру Олеву, представлявшему, кстати, в конфликте одну из сторон, предстояло, по мысли главка и обкома, наладить в театре нормальную моральную атмосферу, восстановить лучшие спектакли прежнего репертуара и дополнить их новыми работами. То есть, не меняя условий, в которых театр пошел до такой жизни, вернуть ему благополучный облик. Теперь ясно, что с задачей этой он не справился.

Встречаясь с людьми, от которых зависело, чтобы Олев в театре все-таки остался, слышал отзывы в общем-то довольно благожелательные. Чего недоставало ему, по общему мнению, так это опыта.

Но почему-то удерживать Олева в театре никто не стал, полагая, что столь лучше ему набирать где-нибудь в другом месте.

Впрочем, кое-что в характере бывшего и. о. главрежа может объяснить, почему его судьба в Первом областном драматическом сложилась именно так, а не иначе.

По общему мнению, он одарен, образован, остроумный собеседник. Если чем-то загорелся противоречить его вкусу невозможно. На репетициях фонтанирует идеями и с актерами спокоен, мягок, уважителен. Но совершенно не принимает человеческий отношений в театре и с областным начальством. Не понимает, что главрежу должен быть немного тираном и не следует ему держаться со всеми на равных. Может сострить по поводу человека, от которого в театре все-то зависит. Может войти в здание обкома, «не отдавая себе отчета, где находится». И в том, что ему противно и не по душе, принимать участия не будет.

С самого начала Олев предложил попросту закрыть театр «на ремонт», укрепить репертуар, решить хозяйственные проблемы, а потом уж выходить на зрителя. Его не поддержали. Полагая, что перестройка театра на ходу обречена на провал, и не желая тратить энергию без толку, «для вида», Олев занялся своим спектаклем по пьесе А. Чернянского «Крестики-нолики». Репетировали, как всегда, на чужих, иногда случайных площадках с ночными накладками со светом и декорациями.

И все же актеры работали увлеченно, спектакль складывался, и на сцене начинали жить выдуманные себя от тоски и безысходности люди, мучительно прорывающиеся сквозь окружающую ложь и правду, но сходящиеся в конце концов в финале за сладеньким, обманным, рождественским столом. И рассмеивались они за ним под призывы выдумавшего себя хорошо — он всей страной пустился в выдуманном им танце. Работая над спектаклем, Олев и сам, наверное, не понимал, насколько все это и о его театре, и о нем самом.

А между тем театр погибал. Росло раздражение против и. о. главного у актеров, не занятых в его спектакле. Да и условий для репетиций не было. Залы оставались полупустыми, а спектакли, сулившие театру репертуар и успех, умирали, не успев родиться.

Олев решил выйти из ситуации по-своему, как и мне, да. Никому не сообщив об этом, он написал и отнес в газету статью.

В РЕДАКЦИИ ему сказали: «Замечательно! И спросили: «А вы не боитесь?» Когда статью напечатали, в театре да и в главке его поздравляли и почему-то спрашивали так же, как и в газете: «Не боитесь?» При этом из всего написанного выделяли одни абзацы.

«Ни бывший начальник главка т. Чижиков В. М., ни заведующая отделом культуры обкома т. Самсонова В. В., ни руководители исполкома Мособлсовета у нас не были никогда и представления о положении театров не имеют. Нервнее, думаю, что не имеют... Ведь если они в курсе, то...» — вспоминал П. Олев со страниц областной газеты. И предлагал: добиться передачи театру действующего ДК, создать при главке художественно-производственные мастерские, театрально-эксплуатационное бюро мастерские по обслуживанию транспорта, перевести театр на оплату по КТУ...

Страх перед партийными комитетами как перед органами указующими и выискующими долгие годы был небезосновательным. Конечно, в их работе намечается поворот. И в парткоме, и обкоме партии мне не раз говорили, что в «творческие вопросы мы больше не вмешиваемся». А о своей статье П. Олев договорился с журналистом на встрече работников культуры со средствами массовой информации, организованной партийным областным организацией. Но поворот и смену — процесс. Он требует времени. Половина лишь может быть на смену. Другая — оставаться в тени. Те, кто знает, что там, в тени,— боятся, Олев не знал.

После публикации статьи состоялся вечер областных театров в Центральном доме актеров. Актеры, режиссеры, администраторы московских областных театров хотели рассказать о том, в каких условиях они работают, представителям СТД. Но главк сумел убедить их в том, что серьезный разговор надо отложить, провести его после гастролей и отпусков...

Ожидания театров были обмануты — их проблемы по-прежнему остались в тени. А организатору вечера Олеву, выказывавшему упреки в адрес обкома в фоне единого актерского лицемерия, заместителем заведующего отделом культуры обкома С. Павловским было обещано, что за неуважение к обкому он лишится работы.

Вскоре вместо официальных ответов на статью Олева в газете была опубликована информация о заседании бюро парткома областных организаций. Сообщалось, что премьера спектакля Олева (состоявшаяся, кстати, накануне выхода статьи) отмечалась вечером в гостиничном номере главрежа в Коломне и со спиртным. Соответствующие указания были даны главку в отношении и. о. главного П. Олева.

Для придания дыру мистичности и ему приобщили рассказу с слонихой в гостиницу тумбочке. Но и это не помогло. В театре, главке да и в парткоме областных организаций знали, что собрались в тот вечер люди всенародные, а известная послепремьерная традиция соблюдалась чисто символически, и если бы не привычка молодого режиссера все делать одному, ничего бы не было. Но нашелся любимый доброжелатель, позвонил в обком, и вот уже на высоком совещании зазвучало — газета публикует авторов, которые... Газета поспешила «поправиться».

Действия партийных органов у открытых противников П. Олева вызвали недоумение — так все это было нелепо и далеко от истинных проблем театра, достижений и недостатков главрежа. Те, кто привык действовать анонимно и исподтишка, убедились, что методы эти годны сегодня, как и вчера. Те же, кто Олеву симпатизировал, считали: сидел бы тихо, в газете в ЦДА не выступал бы — и работал бы до сих пор.

НАВЕРНОЕ, у коллегии главка было достаточно оснований не утвердить П. Олева главрежем в без уведомлений партийного комитета. В конце концов каждый отвечает за свое, а П. Олев со своими обязанностями, по мнению главка, не справился. Да и с мнением группы, в большинстве своем не принявшей на спектакль «Крестики-нолики», ни режиссера Олева, отказавшей ему в праве работать в очередным режиссером, главк не считаться не мог.

Можно было бы говорить о том, что у главка было столько же оснований не утверждать Олева главным, сколько год назад не назначать его. Или о том, что интересное большинство в определении судьбы режиссера далеко не всегда бывает право. Или о том, что театр, воспитанный на диктатуре главного, на «производственной режиссуре 50-х годов», как это определили критики СТД, недавно провозгласившие состояние репертуара театра, не мог принять режиссера-студийца, воспитанника школы «Современника», каким был Олев. Но в таком случае нам же выглядит позиция обкома?

Заместитель заведующего отделом культуры обкома С. Павловский в беседе со мной проявил странную неосведомленность и отчужденное от эпизодов этой истории, представляющих обком в малодушном свете. В конце концов главная задача партийного комитета, считает он,— руководство и помощь партийным организациям. Через них должны мы проводить партийную политику. И примеры такой работы в области есть.

Наверное, это так. Может быть, Первый московский областной драматический в этом смысле и нетипичен. Но этого не скажешь о промахах в работе партийного комитета с этим коллективом.

Начнем с гласности. Когда разгорелась борьба между прежним главрежем Весниным и директором, когда конфликт в театре доходил до кризиса, до зловещего молчания в гримерной и сведения счетов на сцене, с ситуации было рассказано в областной газете. Тут обком, весьма резвяно отнесшийся к любой серьезной критике в области культуры, проявил активность. Газету обвинили в некомпетентности, желании потрафить одной из борющихся групп, в раздувании страстей в коллективе, в общем-то здоровом и полном творческих сил. Подобная позиция только углубила кризис и лишь оттянула развязку.

Когда назначали Олева исполнять обязанности главного режиссера, мнения партораганизации и худсовета не спросили. А ведь у них был альтернативный вариант. Предвидя последствия подобного назначения, в театре считали, что, пока не будет найдена подходящая кандидатура, театром должен руководить худсовет.

Позицию Олева в спектакле «Крестики-нолики», по которому так и не было официального ответа, говорят сами за себя.

Нуждаясь в помощи и поддержке и секретарь парторганизации театра А. Захарова. Коллектив был расколот, люди не разговаривали друг с другом. Нужно было сплотить парторганизацию для работы по восстановлению театра. Захарова избрала для этого путь внешнего перемирия, соблюдения элементарных приличий, устраивания вечеров и поздравлений, сдерживания недовольных. Собственно творческая деятельность, материальная база театра оставались вне поля зрения парторганизации. Внешние же приличия не помешали недовольным Олевым прибегнуть к анонимным доносам в обком. Только раз обратилась Захарова за помощью и советом в партком областных организаций. Но услышала в ответ: «Что и вы хотите? Мы вам добавили коммунистов. Работайте».

Конечно, каждый отвечает за свое. Но при этом надо знать, это за что отвечать способен.

Разумеется, Олев был не прав, слагая с себя ответственность за положение дел в театре на том основании, что на кризис без помощи сверху выгнуть его не мог. В конце концов мог бы подать в отставку. Вопрос в том, насколько он был прав, возлагая ответственность за застарелый разлад при внешнем благополучии в театре на партийный комитет?

Годами, как считают в главке, партийное руководство театрами сводилось к тому, чтобы в дате, событию и мероприятию спросить: «У вас есть что по теме?»; прийти посмотреть и похлопать. При таком отношении знамена в прямо говоря дыр и прорех в театрах были необходимы. И режим, при котором мало кто мог сомневаться назвать вещи своими именами,— тоже. И умение скомпрометировать прозвавшегося критика — не лишним.

Но перестройка-то и начинается с снимания истинного положения дел и принятия на себя ответственности. Ответственности за создание надежды, будто партийный работник может браться за все, начиная с картошки и запчастей к трактору и кончая помещением и репертуаром театра. За потери, нанесенные такими надеждами. Нельзя разделить хозяйственные и партийные, государственные и политические, идеологические и культурные функции, не сказав, какой урон нанесло их сосредоточение в одних руках и кто несет за это ответственность. Не только в высшем руководстве партии, но в местах. Иначе переход на исключительно политические методы работы в партии будет формальным, а старые методы и подходы сотрут перестройку в слова.

НОВЫЙ и. о. главного режиссера В. Якунин — человек опытный. Он понимает, что дело делается не выступлениями, судит по результату и что не только критиковать надо начальство, но способное помочь тебе, а и самому искать пути и средства. И вовсе не обязательно новые средства.

Якунин любит говорить о своем предшественнике: «Нравится мне такие безоглядные, свободные люди, как Олев. Он сумел доказать только, что попытавшийся остановить машину будет раздавлен».

И смотрит на собеседника весело и задиристо: «Это правило. Вы знаете исключений?»

В самом деле — что здесь сегодня правило? А что исключение?

В. ЦЫБУЛЬСКИЙ.